





**К**огда я был ребёнком, будущее в моих мечтах представляло безоблачным и радужным.

Я видел себя то заклинателем прославленной школы, повергающим нечисть в ужас одним взмахом рукава, то великим лекарем Долины Горечавки, который одним снадобьем излечивает тысячу болезней, то философом и поэтом, чьи книги переживают века и народы.

Пожалуй, меня не привлекало лишь семейное дело. Да, я был очарован мечом отца, полученным от императора Алтана за победу в войне с южными кочевниками. Но хоть генеральская форма казалась мне самой красивой в мире, поле боя не выглядело желанным местом. Наверное, из-за отца. Он не скрывал от меня ужасов войны и частенько брал с собой на границу, где я разговаривал с солдатами и видел, как искалечила их война. Нет, я не хотел быть воителем.

А вот дворец... Роскошь и улыбки императорской четы, самые лучшие наряды, самые лучшие лекари...



Да кто в детстве не мечтал служить во дворце Сына Неба? Кто не мечтал получить в награду меч из рук самого императора?

Отец поощрял и пестовал мои мечты, как только мог. Да, как сын генерала я обучался фехтованию и прочим военным премудростям, но также в моём распоряжении были самые лучшие учителя и самые известные книги по всем наукам. Но сколь ярко и быстро вспыхивали мои мечты, столь же стремительно они гасли. Для пути бессмертного заклинателя я оказался слишком ленив, для целителя — слишком брезглив. Ни одна наука или дело не были освоены мной основательно. Всё в итоге упиралось лишь в одно желание — войти в императорский двор. Неважно кем.

Верно говорят, бойтесь своих желаний — они исполняются. Я мечтал о дворцовой роскоши и любви императорской семьи? Теперь вкушаю и то, и другое большой ложкой. Золотой и с камушками.

Вот уже десять лет я живу в собственных покоях в императорском дворце. В моём распоряжении самые роскошные наряды и самая вкусная еда. Моя свита насчитывает полный десяток слуг, и за право войти в неё дерутся все евнухи, ведь я исключительно вежлив и щедр со своей прислугой. И неважно, что моя роль совсем не такая, о которой можно говорить в приличном обществе. Ведь все эти годы меня одаривала своей благосклонностью сама тётушка императора, госпожа Сайна.

Прямо-таки яро одаривала. Одаривала и нахваливала. Нахваливала и одаривала. Без передышки, с того дня, как мне исполнилось пятнадцать и дворцовые наставники признали меня пригодным для службы. До сих пор дыхание перехватывает. От восхищения милостью госпожи Сайны и осознания великой чести, которую мне оказала императорская чета, разумеется.

Да...

Раб. Наложник. Сын предателя.

Изначально меня ждала совсем другая, жестокая и страшная судьба. Другие предатели гниют на тяжёлых работах, а я вкусно ем и сладко сплю. Почему меня выделила сама госпожа Сайна?

Как сказали лекари, мой источник жизненных сил сильнее всех тех, которые были в распоряжении императорской семьи до моего появления при дворе. Я человек, способный своими жизненными силами приводить расшатанные энергии других людей к балансу, то есть — лекарство, дорогое и очень приятное. Для меня даже отдельную должность изобрели — «господин Гармонии». Как господину Гармонии мне полагается отдельный двор, но разрешено выходить лишь в некоторые места и по особым случаям. Общение с посторонними — это не для господина Гармонии. Все его мысли должны быть направлены лишь на благополучие одной персоны — так энергия лучше передаётся. По крайней мере, это утверждала моя госпожа, а я, разумеется, верил ей всей душой. Каждый день верил. С утра и до вечера. Усердно.



## Небо примет лучших



Ещё во время обучения я усвоил, что моя госпожа прекрасна, добра, великодушна. Нет такой добродетели, которой она бы не была одарена. Именно благодаря ей мне выпала неслыханная милость. И всё, что от меня требовали взамен — быть радостью.

Я был радостью, буду радостью и умру радостью.  
Стоит ли говорить, что это случится совсем скоро?

## Глава I Приказ

По голове скользнула шпилька, царапнув кожу, — и я поморщился.

— Белый вам очень к лицу, господин Гармонии, — прощebetал Нохой своим звонким подростковым голосом. Пухлые руки евнуха порхали над моей головой, поправляли причёску и белую стеклянную лилию.

— Да, — согласился я, рассматривая результат долгого труда в бронзовом зеркале. — Пожалуй.

Лилия хорошо подчёркивала как глубокую черноту волос, так и молочную кожу. Изумрудные шелка, украшения, лёгкая улыбка на лице... Я походил на дорогую фарфоровую куклу.

Такой же блестящий снаружи и пустой внутри.

Нохой за моим плечом с удовольствием разглядывал свою работу. Как и все евнухи, он не утратил юношеских черт. Возраст выдавала лишь нездоровая рыхлость. Пока Нохой колдовал над моими волосами, слуги трижды зажигали благовония, и на послед-

ней палочке половина меток из тридцати уже истлела\*. Каждый уголок покоев тонул в густом травяном аромате.

— Вы прекрасно выглядите, господин Гармонии, — улыбнулся Нохой.

— Благодаря твоим стараниям, — я растянул губы шире и поднялся. На пробу повертел головой.

Причёска была тяжеловатой, но все заколки и шпильки сидели надёжно. В следующий раз нужно будет сказать Нохой, чтобы так не старался — госпожа имела обыкновение распускать мои волосы и любила выдёргивать всю эту красоту парой движений. Резких движений.

Я всё-таки ослабил несколько невидимок и пошел к выходу. Господин Гармонии был безупречен, приветлив и готов к ночи со своей любимой госпожой.

— Нохой, к моему возвращению приготовь купальню и розовую воду, будь так любезен.

— Всё будет исполнено, — ответил внуч и поклонился. Из-за внушительного живота это получилось с трудом.

Дворец был большим, в нём, наверное, мог бы уместиться город. Но куда бы я ни устремлял взгляд, всюду меня окружали сосновые колонны, черепичные изогнутые крыши и глиняные стены. Стены отделяли мужчин от женщин, императорский двор от

---

\* Палочка благовоний — единица измерения времени. Одна палочка горит приблизительно тридцать минут.

чиновничьего, сады от домов. Лишь круглые арки позволяли проникнуть из одного двора в другой. За десять лет мне так и не удалось узнать, за какой стеной начинался внешний мир. Куда бы ни ступала моя нога — всюду был дворец. Впрочем, мне никогда не удавалось обойти его — должность не позволяла. Если я не смогу получить прощения и искупить вину отца, то даже после смерти мне не выйти за стены — у наложников здесь своё место для погребения.

Искушение. Я жил этой надеждой уже десять лет, слыша из уст госпожи «если сможешь сделать это, однажды я прощу». И лез из кожи вон, чтобы угодить, быть счастливым, занимая свою должность, но... Но всё равно иногда мечтал о пожаре. Чтобы весь мой двор сгорел дотла, чтобы всё пылало ярким алым пламенем, чтобы в гуле и рёве кричали люди и комнаты окутывал удушливый чёрный дым с запахом горелого мяса... Чтобы меня переселили куда-нибудь подальше, чтобы путь от моего двора до двора госпожи длился дольше, чем осушалась чашка чая\*. Разумеется, исключительно из-за того, что мне с детства нравились прогулки на свежем воздухе.

Госпожа Сайна ждала за чайным столиком и, судя по многочисленным вазочкам из-под сладостей, времени зря не теряла. Увидев меня, она разулыбалась, показывая острые зубы, и густой слой белил, не вы-

---

\* Чашка чая — единица времени, в которой около 10–15 минут.



держав натиска, осыпался с её лица. Стала различима неровная кожа со следами язвочек.

Я в десятитысячный раз напомнил себе, что моя госпожа безупречна, словно цветущая слива.

— Моя прекрасная госпожа, — поклонился я и, когда слуги, повиновавшись капризному жесту, ушли, выдохнул: — Сайна...

— Октай, мой любимый цветок! — воскликнула госпожа Сайна и взмахом руки пригласила за столик. — К сладостям ты не успел, но можешь насладиться чаем!

И под моим взглядом она отправила в рот последнее печенье. А оно было с малиновым вареньем. Я любил малиновое варенье — только оно обладало настолько душистым ароматом, что почти перебивало запах гнили, идущий изо рта главной врачевательницы.

Я сел рядом и опустил глаза в чашку. Моя госпожа лучше всех. У меня замечательная, умная, щедрая... Какая она ещё?

— Вы, как всегда, невероятно добры, госпожа Сайна.

Госпожа Сайна улыбнулась и пересела ко мне поближе.

— Что, я всегда была добра? Даже когда приказала побить тебя палками на прошлой неделе? — кокетливо выдохнула она.

Запах гнили и гвоздики стал крепче. Острые длинные ногти, больше похожие на когти, пробежались по моей груди и нырнули под одежды. Я отставил чашку — та была сделана из тонкого расписного фарфора и грозила разбиться от любого неловкого движе-

ния. Мне было бы жаль. Её, разумеется, а не свою спину. Моя спина заживала, а вот ласточки на чашке не зажили бы.

— Конечно, ведь я провинился перед вами — разбил вашу любимую статуэтку, — я перехватил руку, которая уже нацелилась в волосы, и поцеловал костяшки пальцев. — Вы, Сайна, самая потрясающая женщина во всей империи.

— Ты льстец. Когда я тебя освобожу, так и напишу в вольной, — хмыкнула госпожа Сайна и отошла к кровати. — Погаси свет.

Сердце дрогнуло и мерно застучало: «Когда, а не если. Когда, а не если». Оно бы пело, но у него уже почти не оставалось сил.

Я потушил свечи и пошёл к госпоже, по пути избавляясь от одежды.

В покоях пахло гвоздикой. Я всей душой ненавидел этот запах.

Всё закончилось глубокой ночью, когда уже выпала роса. Отвернув голову в сторону, чтобы не чувствовать зловоние, я подождал, когда дыхание госпожи станет ровным и глубоким, а хватка ослабнет, осторожно перевернул лёгкое тело набок и сел. Её руки тут же зашарили по постели, норовя схватить меня за волосы, но успокоились, получив подушку. Госпожа прижала её к своей груди и засопела. Роскошный парик сполз набок, показалась изъеденная плешью голова.

Я подобрал свои вещи, набросил на плечи верхнее одеяние, забыв про остальное, небрежно повязал пояс

и выскользнул из покоев на террасу. Разумеется, я во-все не сбегал, госпожа не могла быть мне противна. Просто таковы были правила — невольники и рабы, даже фавориты, не могли спать в господских постелях. На это имели право лишь супруги.

Ночь ударила в лицо свежестью и прохладой так, что на мгновение закружилась голова. Я опёрся о стену и долго дышал, прогоняя запах гвоздики и тяжёлых ароматических масел. Но те не исчезли, только притупились. Моя кожа, мои волосы, моя одежда — всё источало зловоние. Царапины на спине чуть пощипывало от прикосновения к шёлку, и мне казалось, что даже кровь пропахла госпожой. Но, разумеется, этого быть не могло.

Я отдышался и, оттолкнувшись от стены, подошёл к Нохю. Тот где-то раздобыл циновку и сладко похрапывал в углу террасы, видя десятый сон — лишь нос торчал наружу из-под шали. От прикосновения к плечу евнух вскинулся и сел, хлопая глазами.

— Я не сплю! Не сплю... Госпожа вас уже отпустила?

— Да, — я протянул ему ворох одежд. — Будь добр, отправь это в стирку с утра.

— Хорошо, — Нохой забрал одежду и хлопнул глазами, проснувшись. — Вы что же, пойдёте к себе в таком виде?

Я пожал плечами. Мне было всё равно, кто мог меня увидеть. Стражники давным-давно всё рассмотрели — спасибо госпоже за наказания и вразумления.

— Ночь же.

Нохой укоризненно покачал головой и потянулся к моему халату: завернул по самое горло, крепко перевязал пояс.

— Хоть так. Я вас провожу.

Я безразлично кивнул, и мы вернулись во двор господина Гармонии. Евнух сразу направился к себе. Я же, несмотря на смертельную усталость, сначала зашёл в купальню.

Розовая вода в бочке уже остыла, но её аромат всё ещё витал в воздухе и успокаивал. Я долго-долго тёр себя мочалкой с мыльным корнем, пока кожа не покраснела, а волосы не стали скрипеть, а потом сидел в бочке, отмокая и обрабатывая царапины на лопатках. Вода помогла: избавила от зловонных миазмов, очистила тело. Обычно очищение помогало и душе, но на этот раз проверенный способ подвёл — пустота никак не проходила, только расширялась. Последний приказ госпожи, отданный перед сном, задел самое важное и беззащитное, что было во мне — надежду.

Я закрыл глаза, окунулся в воду с головой, но слова всё звучали и звучали в ушах.

«Наследный принц Чан достиг возраста зрелости, но совсем не интересуется наложницами. Я полагаю, у него недостаток ян. Завтра ночью ты отправишься к нему и поправишь баланс его энергий. Справишься — и я скажу императору, что ты всё искупил», — сказала госпожа.

О принце я знал лишь то, что он возник внезапно, словно из ниоткуда. Совсем недавно путь к трону прин-